Саенко В. Н.

Развитие социологических представлений о признаках манипуляции сознанием

Saenko V. N. Development of Sociological Concepts of Attributes of Consciousness Manipulation

В статье исследован процесс развития представлений социологов об определении и признаках манипулирования в рамках теории манипуляции сознанием. Установлено, что со второй половины XX в. изучение теории манипуляции сознанием является популярной и актуальной темой многих научных социологических исследований. Существует множество фундаментальных и прикладных трудов, посвященных данной теме, в которых манипуляция рассматривается с точек зрения социальной политологии, социальной психологии, социальной философии и социологии (ее разделов — социологии культуры, социологических процессов, социологии управления).

Ключевые слова: манипуляция, манипулирование, сознание, манипулятор, скрытое воздействие, признаки манипуляции.

The article studies the development of sociological opinions on the definition and signs of manipulation within the framework of the theory of manipulation of consciousness. The study of manipulation of consciousness has been a popular and relevant topic of many scientific sociological studies since the second half of the XX century. There are many fundamental and applied works on this topic, in which manipulation is studied from the points of view of social political science, social psychology, social philosophy and sociology particularly in its sections like sociology of culture, sociological processes, sociology of management.

Keywords: manipulation, consciousness, manipulator, hidden impact, signs of manipulation.

Исследования манипуляций, сознания и общественных движений охватывают разноплановую проблематику, относятся к психологии, социологии, политологии и требуют междисциплинарного изучения. Социологами ранее предприняты попытки изучить феномен манипуляции сознанием и представить научному сообществу свои представления о характерных признаках данного социального явления. В этой связи сегодня существует немало и методологически различающихся подходов, основанных на представлениях о манипуляции как системе, процессе, функции, структуре. Специфика описываемого явления, в частности возможность проявления манипуляций как в межличностных, так и межгрупповых отношениях, обуславливает необходимость изучения манипуляций на всех уровнях теоретической и эмпирической науки социологии.

Несмотря на множество работ, посвященных теме манипуляции сознанием, до сих пор отсутствует такое определение, которое бы совмещало в себе согласованность родовых признаков, определения и элементов манипуляции таким образом, чтобы можно было выделить манипуляцию сознанием как однозначно самостоятельную форму социального взаимодействия. Вследствие этого возника-

Саенко Виталий Николаевич — аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Саенко В. Н., 2020

ет необходимость анализа теоретического опыта ученых-социологов, на основании которого можно было бы агрегировать сильные стороны научных работ.

Манипуляции сознанием глубоко укоренились в современном обществе. На наш взгляд, они затрагивают не столько экономическую и политическую, сколько социокультурную сторону общественной жизни. На современном этапе социологическая наука и рассматриваемые ею проблемы — актуальный фактор развития общественных отношений.

Толкование определений манипуляции зависит от объекта манипуляции. Так, дефиниции понятия «манипуляция» варьируются от определения из толкового словаря Д. Н. Ушакова, представляя собой описание действий применительно к вещам («манипуляция, манипуляции, ж. (лат. *manipulatio*) (книжн.). 1. Движение руки (устар.). 2. Сложный прием, сложное действие над чем-н. Химик производил непонятные для непосвященных манипуляции. 3. Прodelка, махинация (неодобрит.)» [1]), до интересующего нас в контексте исследования определения манипуляции, приведенного в работе С. Кара-Мурзы [2, с. 16] со ссылкой на работу [3] Г. Франке. В последней дано следующее определение интересующего нас понятия: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама». С. Кара-Мурза описывает манипуляцию по ряду признаков:

- 1) носят характер психологического воздействия;
- 2) чтобы воздействие являлось манипуляцией, оно должно носить скрытый для объекта манипуляции характер;
- 3) манипуляция является продуктом интеллектуального процесса;
- 4) объект манипуляции рассматривается субъектом как вещь.

Следовательно, используя данные признаки, можно разделять действия на являющиеся манипуляциями и такие, которые к манипуляциям не относятся, представляя собой иные формы взаимодействия подобно прямой агрессии, обычной информационно-повествовательной интеракции, а также педагогического воздействия или других взаимодействий, которые по одному или более признакам могут соответствовать указанному выше определению манипуляции.

Если разбирать признаки манипуляции отдельно, то первый признак четко проводит границы между видами взаимодействий, определяя манипулятивные интеракции в разряд психологических форм взаимодействий. Любое психологическое взаимодействие требует материального воплощения объекта своего замысла, что, однако, не стирает разницу между физическими и психологическими воздействиями, где вторые описываются как «воздействие одного индивида на психику другого индивида (группы), которое в своей произвольной форме исходит из определенного мотива и преследует цель изменения или укрепления взглядов, мнений, отношений, установок и других психологических явлений» [4]. Итак, принципиальное значение имеет направленность воздействия на психику субъекта.

Второй признак разграничивает взаимодействия на основании того, известно ли объекту манипуляции об истинных намерениях субъекта. В частности, представляется возможным разграничить действия, где умысел так или иначе известен объекту, непосредственно транслируется объекту в целях повышения вероятности успеха интеракции (в то время как для манипуляции успешность повышается при искажении восприятия объектом истинных намерений) или остается неизвестным и/или не имеющим значения для субъекта.

Третий признак позволяет понимать, какие воздействия были результатом случайности, интуитивного обмана, а какие из них возникли в результате интеллектуальных процессов, будь то применение аналитических способностей, эру-

дированности, знания объекта манипуляции. Данный признак подчеркивает необходимость для манипулятора обладания определенным уровнем владения навыка манипуляций сознанием для достижения успешной манипуляции. Успешность, естественно, прямо зависит и от объекта манипуляций, его внушаемости, интеллектуального потенциала, умственных способностей, которые в совокупности формируют факторы манипуляции сознанием.

Четвертый признак, дополненный С. Кара-Мурзой в трактовке понятия манипуляции сознанием, определяет этическую и техническую сторону манипулятивного воздействия. С одной стороны, объект манипуляции сознанием, будто то отдельная личность, группа или общество, не воспринимается как личность, что может нарушать этические установки личности, группы и общества. С другой — в подобном подходе кроется технический аспект манипуляций, поскольку успешность манипуляции повышается именно при изначальном отношении и рассмотрении объекта манипуляции как вещи, наделенной характеристиками, статистическими показателями, реакциями на раздражители, которые при гуманном рассмотрении объектов были бы названы их положительными коннотациями подобно чувствам, эмоциям, личностным чертам.

Составляющие манипуляции рассматриваются и исследуются отдельно, что подчеркивает технологичность манипулятивного процесса. З. Н. Сергеева в своей монографии выделяет ряд элементов манипуляции: «При определении понятия “манипулирование”, как правило, учитываются следующие его составляющие:

- родовой признак манипулирования;
- субъект манипулирования;
- объект манипулирования;
- цель манипулирования;
- способы манипулирования» [5, с. 12].

З. Н. Сергеева подытоживает статью о социальной сущности манипуляции, перечисляя перечень обязательных признаков манипуляции: «Социальное манипулирование должно осуществляться скрыто от объекта, ненасильственным образом, целенаправленно, с использованием специфических инструментов и способов воздействия. При этом манипулятор должен обладать знаниями и ресурсами, превышающими знания и ресурсы объекта, или же убедить манипулируемого в этом» [6]. В данном определении социального манипулирования эклектично объединяются несколько подходов к определению манипуляции.

А. А. Ворошилова приводит свой список признаков, которые она выделила среди подходов к изучению определения манипуляции:

- 1) воздействие (психическое, психологическое), оказываемое манипулятором на манипулируемого;
- 2) отношение манипулятора к другому как средству достижения определенной цели;
- 3) стремление получить односторонний выигрыш;
- 4) скрытый характер воздействия (как факта, так и направленности);
- 5) игра на слабостях объекта;
- 6) мотивационное привнесение;
- 7) особое мастерство в осуществлении манипуляции [7].

А. А. Ворошилова рассматривает явление манипуляции сознанием и через функции, которые они выполняют в обществе, и относит манипуляции к коммуникативным функциям. Манипуляции как форма коммуникаций качественно отличается от иных своих форм по признакам неравенства участников социального взаимодействия, что выражается через постепенное превращение одного из участников в объект воздействия другого. Так, манипуляции как форма комму-

никации сравнима с коммуникациями, присутствующими в управленческих коммуникациях. Данное сходство обусловлено второй функцией, которую выполняют манипуляции — управление. Манипуляции выступают частью механизма социального контроля в обществе в связи с тем, что методы управления склонны нередко принимать форму манипуляций сознанием.

Третьей функцией А. А. Ворошилова называет историческую. Манипуляции, согласно ее взгляду, возникают в процессе развития общества и качественного изменения характера существующих в нем связей. Описывая историческую функцию манипуляций, А. А. Ворошилова делает вывод о том, что они *закономерны* для социальных отношений в обществе и являются естественными для него. Кроме того, автор соглашается с другими исследователями относительно вопросов психологического характера воздействия манипуляторов, закрытости воздействия на объект манипуляции и создания благоприятных условий для ведения манипулятивного воздействия. Приведем ее итоговое определение: «Манипуляция представляет собой скрытую форму воздействия на другое сознание, цель манипулятора отлична от первоначальных установок (намерений) ценностных ориентаций манипулируемого, при этом действия манипулятора не согласуются с фактами, т. е. с тем, что внешний наблюдатель манипуляционного акта считает истинным. В результате манипуляционного воздействия поведение манипулируемого не согласуется с его первоначальными установками и ценностными ориентациями» [7].

Манипуляция может быть представлена и как историческая категория, относящаяся к коммуникациям и управлению, которая деформирует данные процессы и возникает в обществе вследствие накопления изменений на определенном историческом этапе развития общества.

Первые определения термина «манипуляция» носят сугубо технический характер, описывающий физическое взаимодействие человека с физическими объектами. Характерной чертой современных определений является включение в список возможных объектов манипуляций ценностных ориентаций. Ценностные ориентации могут выступать в качестве одного из направлений манипулятивного воздействия ввиду их высокой ценности для людей в вопросе формирования мировоззрения, восприятия информации и становления характера личности. Об этом писал В. К. Потемкин: «Личностные ценности, потребности, отношения и конструкты являются для человека источниками и носителями значимых смыслов о понятии смысловых конструктов, характеризующих личность и задающимися присущими человеку потребностями и ценностями, причем один их полюс всегда “хороший”, желаемый и ценный, а второй — “плохой”» [8, с. 25]. Поведение человека зависит от диспозиционной и ситуационной мотивации, находится под влиянием внешних и внутренних детерминант.

М. А. Денисов и Н. В. Хорошева предлагают систематизацию определений понятия «манипуляция сознанием» через выделяемые ими ключевые признаки:

- 1) искусность воздействия;
- 2) выгодность для субъекта;
- 3) вредность для объекта;
- 4) скрытость воздействия;
- 5) искаженность информации;
- 6) умышленность воздействия.

Авторами предложено толкование, основанное только на двух последних признаках: «Манипулирование определяется как психологическое воздействие, в ходе которого осуществляется умышленное искажение информации» [9]. Указано на повышение интереса к манипуляциям по причине демократизации политики,

эгалитаризации культуры, повышение массовости информации и цифровизации коммуникаций.

Исследующий политическую разновидность манипуляций Е. А. Колесников перечисляет три основных отличительных признака. Скрытость воздействия, объект манипуляции — сознание, манипуляция преследует цель выгоды для субъекта: «Политическая манипуляция представляет собой специфический вид скрытого воздействия на политическое сознание и поведение индивидов, целью которого является формирование желательного для политических сил образа мышления и поведения для реализации собственных желаний и интересов» [10].

Признаки, которые использовали перечисленные авторы, характеризуются как видовые и атрибутирующие для определения манипуляции. Признак искусности воздействия представлен в определениях как использование опытности, мастерства, профессионализма, иных положительных коннотаций перечисленных качеств и противопоставляется топорности, непрофессионализму, ординарности и банальности в исполнении.

Исследуя этимологию слова «манипуляции», Е. Л. Доценко заявляет о необходимости отнесения искусности к числу видовых признаков манипуляции по той причине, что в этимологии слова «манипуляции» уже присутствуют видовые признаки: «В семантическом поле манипуляции признак искусности занимает весьма заметное место» [11, с. 58]. Дискуссионность искусности как видового признака возникает из-за искажения значения слов с течением времени за счет деформации дискурса, что создает семантический конфликт между единицей языка и объективным миром.

Еще одной препоной для отнесения искусности к видовым признакам служит ее зависимость от субъекта, который должен будет оценить степень искусности манипуляции. В таком случае возникает ситуация, когда даже условная объективность исследования и его результатов подвергается большому воздействию исследователя-реципиента, что может быть усугублено, в частности, при анализе манипуляций в СМИ, коммерческом и политическом манипулировании.

Противоположным взглядом на искусность является умозаключение С. Кара-Мурзы. Он отмечает [2, с. 17], что когда речь идет об общественных манипуляциях, где масштаб действий и опыт манипуляций высок, то манипуляция представляет собой сформированную технологию, которая включает в себя профессионалов, профессиональные знания и навыки, теоретические и эмпирические материалы. Таким образом, искусная манипуляция от неискусной будет отличаться за счет качества применения существующих возможностей. Если речь идет о манипуляции в широком смысле, то понимание искусности как характеристики, связанной с использованием выработанных технологий, вносит в исследование сумятицу, нарушает смысловые связи между субъектами исследования и его реципиентами, вычеркивает из числа манипуляций ряд межличностных, основанных на интуиции и импровизации примеров манипуляций.

Из вышеизложенного следует, что искусность не соответствует требованиям, выдвигаемым нашим исследованием об универсальности видовых признаков, которые отдельно выделяют манипулирование среди прочих явлений, не исключая часть из них ввиду чрезмерно субъективного характера данного признака. Следовательно, искусность применения манипуляции является опциональным, присутствующим рядом социальных и политических манипуляций, а не видовым признаком.

Признаки, упоминающиеся многими исследователями анализируемого нами понятия, в частности Т. М. Голубевой, Ю. А. Дидык, С. Г. Кара-Мурзой, Е. А. Колесниковым, А. В. Кузиным, Ю. В. Пую, отражают выгодность манипуляций для субъекта манипуляции, ущерб, приносимый в результате манипуляций объ-

екту манипуляции и осознанность действий манипулятора. Если объединить данные признаки в единое целое, то получим признак очевидного для субъекта манипуляции расхождения интересов субъекта и объекта манипулирования.

При подобном рассмотрении понятия манипуляции сознанием, когда ее определяет видовой признак расхождения интересов, возникает логический вывод о том, что при отсутствии конфликта интересов отсутствует и манипуляция, поскольку она лишена смысла и ее замещает иное явление. В трудах исследователей развитие мысли о конфликте интересов прослеживается у С. Г. Кара-Мурзы, обращающего внимание на всегда наносимый манипулируемому ущерб в случае успешной манипуляции. Социолог указывает на отрицательный этимологический окрас слова «манипуляция» и утверждает, что если результатом действий условного манипулятора является положительный для объекта результат, то факт манипуляции отсутствует и манипулятор не станет таковым ввиду наличия другого явления, которое может носить собственное название и место: «Какой же вид воздействия на наше поведение мы определим как манипуляцию? Ясно, что само это слово имеет отрицательную окраску. Им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы оказались в проигрыше, “а то и в дураках”. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: “Он мной манипулировал”. Нет, он дал вам дельный совет» [2, с. 15]. В данном примере рассмотрения границы «манипуляция — не манипуляция» не зависят целиком от воли и возможностей манипулятора. Манипуляцию и неманипуляцию разграничивает воля случая или субъективные ценностные ориентации исследователей о положительности или отрицательности воздействия манипулятора.

Отношение к вреду, который наносится манипулятором, как к видовому признаку разделяет всех исследователей манипуляции на разные группы в зависимости от их позиции по данному вопросу. А. А. Горбачев утверждает, что факт манипуляции возможен независимо от окраски результата для объекта: «...Манипуляция будет иметь место независимо от того, привела ли она к негативным последствиям для объекта манипулирования, поскольку факт скрытого управления никак не связан с моральными и этическими последствиями для объекта манипуляции» [12, с. 27].

Е. Л. Доценко о признаке конфликта интересов пишет, что ряд общественно полезных манипуляций осуществляется полностью или частично в интересах манипулируемых: «Признак “в интересах манипулятора”, как отмечалось, неточен, поскольку манипуляция может производиться и в интересах манипулируемого (по крайней мере отчасти). Например, чтобы кто-либо другой бросил курить, пить, порой употребляют самые изобретательные приемы, в том числе манипулятивные» [11, с. 52]. Однако и в этом случае наблюдается фактор субъективности суждения и ценностных ориентаций — при определении полезности для общества того или иного результата и признания за одним или другим явлением здоровья либо патологии.

Видимой альтернативой обязательности нанесения вреда объекту Е. Л. Доценко называет выгодность манипуляции для субъекта. Указание выигрыша манипулятора в качестве видового признака приводится ученым при помощи семантического анализа значения слова «выигрыш», которое одновременно является преодолением обстоятельств, добычей превосходства и заработком пользы. Е. Л. Доценко на примере возможных исходов манипуляции (win-win, win-lose, lose-lose) объясняет, что результативность для объекта опциональна, в то время как выигрыш манипулятора обязателен. Данный подход сомнителен, поскольку

вызван субъективностью, которой пронизана большая часть потенциальных видовых признаков. Польза, как и вред, — дискуссионные понятия, зависящие от воли и предпочтений исследователя. Поскольку факт принадлежности явления к манипуляциям возможен в таком варианте только при подтвержденном выигрыше для субъекта, то ставится затруднительная задача по определению представлений манипулятора о том, что считается для него положительным результатом.

Выгода субъекта и ущерб объекту — признаки, находящиеся в большой зависимости от сложно учитываемых субъективных факторов и оценочных суждений субъекта и объекта, исследователей. Признак же умышленности действий манипулятора подтверждается осязаемым наличием цели. Отношения между субъектом и объектом определяются за счет целесообразности и умышленности действий субъекта, а определенные тем самым отношения дифференцируются среди прочих как манипулятивные. В соответствии с вышеизложенным отнесение признака умышленности действий манипулятора к видовым целесообразно и не противоречит требованиям исследования.

Признак скрытости воздействия упоминается чаще всего, и неотнесение скрытости к обязательным характеристикам манипуляции следует квалифицировать, скорее, как исключение. Вопрос о том, является ли скрытость самым ключевым признаком для манипуляции, разделяет исследователей с учетом их позиции. Е. А. Колесниковым утверждается именно скрытость в качестве основного признака: «...Как можно понять, именно в скрытом характере оказываемого на объект влияния заключается смысл манипулятивного действия» [10, с. 5].

Е. Л. Доценко разделил признак скрытости на три сферы в зависимости от скрываемого объекта:

- повестки воздействия;
- факта воздействия;
- преследуемых целей.

Мнение исследователей разделяется в зависимости от того, сколько сфер должно быть, чтобы факт манипуляции подтверждался. Е. Л. Доценко, а также Н. С. Урсу и С. Г. Кара-Мурза стоят на позиции о том, что сокрыт должен быть факт воздействия и цели манипулятора. Все рассмотренные стороны скрытости воздействия считает обязательными Л. М. Месропян. Вместе с тем А. А. Данилова не считает обязательным сокрытие факта воздействия, а Е. А. Колесников, напротив, считает, что только сокрытие факта воздействия и определяет манипуляцию.

В настоящем исследовании ключевыми сторонами признаны сокрытие повестки и целей манипуляции, которые должны оставаться хотя бы частично скрытыми для отнесения действия к манипуляциям. Факт же воздействия может быть обнажен для объекта, если этого потребует манипулятивная тактика. Относительно открытия повестки и целей субъекта становится очевидным тот факт, что тактика может предполагать или, по крайней мере, не ограничивать возможность частичного открытия. Но они не могут быть в полном объеме переданы объекту, поскольку при таком ходе манипуляции либо объект перестает соответствовать своей роли, либо манипуляция перестает быть манипуляцией как таковой. Существует потенциальная возможность открытия полностью всей повестки и целей субъекта объекту, так как, во-первых, способ передачи данной информации объектом может быть сам по себе манипулятивным и двусмысленным, во-вторых, в данном взаимодействии важным фактором является способность восприятия объекта. Последний, может быть, и не способен адекватно и в полной мере оценить полученную информацию или самостоятельно в ходе ее анализа придет к ложным выводам. Возможность делиться с объектом частью информации

позволяют подходы, которые могут при этом использоваться — полностью искренняя информация способна служить целям манипуляции.

Важен для понимания тот факт, что скрытость в манипуляции не сводится лишь к сокрытию информации, недосказанности и попыткам уйти от внимания объекта. Скрытость манипуляции предполагает сокрытие истинности необходимой информации, составляющей структуру манипуляции сознанием. Истина для объекта скрывается посредством самых разнообразных способов, главный критерий которых ограничен одним требованием — успехом сокрытия истинности. О способах искажения истинности писали А. А. Данилова и Н. О. Королев в таких вариантах, как программирование мнений, введение в заблуждение [13, с. 23] и структурирование мира, доведение до самообмана [14, с. 27].

По итогам анализа скрытости как видового признака возникает вопрос о том, является ли искажение частным случаем скрытости или скрытость — частный случай искажения. В первом случае скрытость можно однозначно отнести к видовому признаку манипуляции, во втором — возникает риск сужения манипуляций до очень узконаправленных действий, находящихся внутри группы воздействий, объединенных по признаку искажения информации и восприятия. Если искажение является частным случаем скрытости, то такая расстановка позволяет органично вписать в качестве искажения способ сокрытия, как и скрытость в качестве неотъемлемого признака манипуляций. Однако в последнем случае возникают сложности практической доказательности для исследователей, поскольку доказать искажение информации путем проверки фактов — легко реализуемое действие, и это объективно, а выяснение истинных мотивов манипулятора и соотнесение их с его методами воздействия представляет собой по большей части теоретизирование и высказывание гипотетических сценариев, которые могут быть истинными или ложными.

Подводя итог краткому исследованию развития научных и философских взглядов на феномен манипуляции сознанием, трактовку исследуемого понятия и взгляды на характерные признаки, можно дать следующее определение, которое будет, полагаем, соответствовать современному пониманию данного социального явления и однозначно выделять его на фоне иных форм социального взаимодействия. Манипуляция сознанием — это социальный процесс целенаправленного прямого или косвенного воздействия на сознание одного или нескольких человек (общества, представленного группой лиц), носящий частично или полностью скрытый характер и заключающийся в достижении субъектом манипуляции своих целей. Манипуляция сознанием в обществе служит одной из форм социального управления, применяемой в самых разных масштабах, от межличностного взаимодействия до международных отношений. По уровню технической и организационной подготовки манипуляции могут различаться от осуществляемых интуитивно до реализуемых по подготовленным методическим материалам; манипуляции могут преследовать одну или несколько целей, противоречить или не противоречить целям и благополучию объекту манипуляции.

Структура манипуляции сознанием включает в себя:

- 1) объект манипуляции;
- 2) субъект манипуляции;
- 3) цель манипуляции;
- 4) методы манипуляции;
- 5) окружающую среду.

Объект манипуляции — сознание. В зависимости от направленности манипуляции сознание как объект может быть представлено сознанием отдельного человека, а в случае с массовыми манипуляциями под сознанием имеется в виду обще-

ственное сознание. Для социологических наук интерес представляет прежде всего феномен социального сознания, включенный в систему общественных отношений, отражающий субъективные представления людей о себе, обществе, мире и зависящий от внутренних и внешних условий, личных наклонностей и интересов, устоев и традиций, характерных для общества. Для манипуляций связанных с общественными движениями в качестве объекта манипуляции выступает социальное сознание отдельных или всех членов общественного движения, а также общественное сознание в части представлений отражающих восприятие общественных движений и сознание потенциальных новых членов общественных движений.

Субъект манипуляции может быть представлен одним лицом или группой лиц, которое в достаточной степени планомерно и осознанно ведет манипулятивную деятельность. Субъект может быть представлен практически любым членом или группой общества, поскольку определение манипуляции позволяет отнести к ней даже самые незначительные взаимодействия, что открывает возможность быть субъектом манипуляции и рядовому гражданину, и влиятельной политической организации. Субъектом манипуляции сознания в общественных движениях может быть лицо или группа лиц, целенаправленно осуществляющие такую манипуляцию, которая, согласно их соображениям, служит целям развития общественного движения или использует общественные движения как метод достижения своих целей, связанными, возможно, с общественными движениями или не связанными с ними.

Цель манипуляции — сознательные представления субъекта манипуляции об ожидаемых результатах его деятельности, целенаправленного процесса. Методы манипуляции — способ достижения целей субъекта, представленный совокупностью сознательных и бессознательных действий, направленных на достижение цели манипуляции. Окружающая среда — совокупность внешних и внутренних материальных, духовных условий и обстоятельств, доступных восприятию субъекта и способных оказывать влияние на объект манипуляции. Традиции, эмоциональный фон, физические условия, убеждения, происходящие события, социальные факты.

Родовыми признаками манипуляции сознания на основании данного нами определения являются социальный характер, скрытость, целенаправленность (умышленность), сознательное воздействие объектом на субъект (сознание). Социальный характер в качестве атрибутирующего признака транслирует принадлежность манипуляции сознанием к категории социальных воздействий и акцентирует внимание на отличии используемого определения манипуляции от его сугубо технических вариаций.

Признак скрытости, если возвратиться к ранее рассмотренным представлениям исследователей о феномене манипуляции сознанием и его родовых признаках, отражает суть разнонаправленной скрытости манипуляций, в которых от восприятия манипулируемым могут быть сокрыты цели, средства, намерения, отношение манипулятора к манипулируемому, факт наличия манипуляции как таковой. В целях соответствия манипуляции данному признаку необходимо сделать так, чтобы скрытой была часть всей структуры манипуляции. За счет сложности организации манипулирования субъект способен раскрывать по собственной воле отдельные аспекты своей деятельности, включая итоговую цель, если понадобится. Подобные действия не прервут и даже не нарушат процесса манипуляции, что создает большой потенциал для маневрирования своей деятельностью субъектом.

Целенаправленность (умышленность) манипулятивной деятельности как признак означает, что для манипуляции характерно наличие видения субъектом предполагаемых результатов своей деятельности и средств к ее достижению, что дает возможность отличать манипуляции от случайной деятельности, которая по нескольким критериям может совпадать с манипуляцией сознанием.

Признак сознательности, как и признак целенаправленности, отличает манипуляцию от иных форм социальных взаимодействий, в которых один из участников взаимодействия может оказывать воздействие на сознание других, формировать их мировоззрение, стимулировать деятельность или принятие решений. При этом влияние первого им не осознается и (или) не планировалось как таковое.

Вследствие анализа опыта теоретического изучения феномена манипуляции сознанием, подходов к определению данного явления, анализа исторических предпосылок проведения социальных исследований к выделению данной отдельной формы социального взаимодействия, подходов к определению родовых признаков явления нами предложено концептуально новое определение понятия «манипуляция сознанием». Названы элементы структуры манипуляции и ключевые родовые признаки, выделен принципиально новый элемент системы манипуляции, постоянно присутствующий в ходе манипулятивного процесса (окружающая среда), которые могут быть использованы в дальнейшем в ходе исследований социального явления манипуляции сознанием.

Литература

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Хит-книга, 2017. 959 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
3. Франке Г. Манипулируемый человек. М.: Политиздат, 1964. 362 с.
4. Ковалев Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 477 с.
5. Сергеева З. Н. Технологии социального манипулирования: монография. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуд. технического ун-та, 2017. 268 с.
6. Сергеева З. Н. К вопросу об экспликации содержания понятия «социальное манипулирование» // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 2. С. 107–115.
7. Ворошилова А. А. Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 6 (13). С. 296–300.
8. Потемкин В. К. Личностный фактор в территориальной организации производственной деятельности. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России, 2014. 222 с.
9. Денисов М. А., Хорошева Н. В. Проблема определения термина «манипулирование» в работах российских исследователей // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 94–101.
10. Колесников Е. А. Механизмы легитимации технологий политического манипулирования: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2011. 169 с.
11. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во Московского госуд. ун-та, 1997. 344 с.
12. Горбачев А. А. Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 204 с.
13. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; Книжный дом «Университет», 2011. 232 с.
14. Королев Н. О. Политическое манипулирование в процессе коммуникации власти и общества: дис. ... канд. полит. наук. Волгоград, 2012. 183 с.

Контактные данные:

Саенко В. Н.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 794-57-56; e-mail: saenkomail@mail.ru.

Contact Details:

Saenko V. N.: 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 794-57-56; e-mail: saenkomail@mail.ru.